

УДК 338.24

А.А. Жук

Южний федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

МЕСТО И РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В РЕГУЛИРОВАНИИ КОНКУРЕНТНОЙ СРЕДЫ

В статье рассматривается проблема необходимости государственного вмешательства в функционирование конкурентной среды, а также произведена попытка очертить границы такого вмешательства и предложить направления и границы государственного регулирования конкурентной среды.

Ключевые слова: конкурентная среда, государственное управление, институты, провалы рынка, провалы государства, государственная политика.

У статті розглядається проблема необхідності державного втручання у функціонування конкурентного середовища, а також зроблено спробу окреслити межі такого втручання та запропонувати напрямки і межі державного регулювання конкурентного середовища.

Ключові слова: конкурентне середовище, державне управління, інститути, провали ринку, провали держави, державна політика.

The issue is devoted to the problem of the state public policy of the competitive environment, but also attempted to delineate the boundaries of such interference and to offer direction and boundaries of state regulation of competitive environment.

Key words: competitive environment, governance, institutions, market failures, the failures of state, state public policy.

Главной целью любого современного государства выступает формирование и поддержание оптимального состояния институциональной среды экономики, мотивирующей экономических агентов к активному совершению рыночных трансакций путем непрерывного инновационного саморазвития и, как следствие, реализации собственных конкурентных преимуществ с целью получения прибыли. Другими словами, роль доминирующей задачи государства приобретает создание таких экономических условий, при которых субъекты рынка с одной стороны заинтересованы, а с другой — имеют возможность выработки конкурентных преимуществ и их дальнейшей реализации на рынке с целью получения прибыли. Есть мнение, что на современном этапе эволюции принципов экономической координации, осуществляемой конкуренцией, реализуется механизм координации интересов бизнеса и целей развития общества [27, с. 40]. Мы же склонны не отождествлять интересы бизнеса и общества, осознавая, что предпринимательская деятельность в первую очередь направлена на получение прибыли и не имеет основной цели развития общества. При этом согласимся в той лишь части, что любая предпринимательская деятельность не должна противоречить целям развития общества и осуществляться вопреки его интересам.

Для достижения такого состояния необходимо наличие исправно функционирующих фундаментальных институтов конкурентной среды, таких как: институт частной собственности (в том числе авторские права), институт предпринимательства, финансы, институт экономических контрактов, институт антимонопольного регулирования [13, с. 188].

Государство в данном случае выступает как институциональный строитель, ответственный за разработку и принятие формальных законов, а также обеспечивает принуждение к следованию этим законам. Именно государство выбирает направление институциональной модернизации, беря на себя ответственность за полученный результат, который, возможно, при определенных условиях поспособствует повышению эффективности, либо наоборот выступит препятствием этому процессу

[29, с. 17]. Вокруг установленных государством формальных законов выстраивается огромное количество неформальных практик, которые, в свою очередь, выступают показателями качества и привлекательности принятых формальных законов. Чем больше точек соприкосновения неформальных практик с формальными законами, чем более соответствует вектор направления мотивации формальных законов и окружающих их неформальных практик, тем более высококачественной нам представляется институциональная среда, тем более востребованными у экономических агентов, функционирующих в рамках конкурентной среды, будут подобные экономические институты. В рамках системного подхода необходимо отметить, что качество конкурентной среды в целом определяется качеством наилучшего (наименее востребованного акторами) фундаментального института. Следовательно, даже одного неэффективного института в этой цепи достаточно, чтобы снизить до его уровня эффективность функционирования конкурентной среды в целом и обесценить все попытки повышения качества оставшихся структурных институтов конкурентной среды.

Институциональная структура экономики выступает результатом предшествующих попыток государства сформировать институциональную экономическую систему, а также спонтанного эволюционного отбора наиболее эффективных институтов. Зарубежные страны с высокоразвитой рыночной экономикой обладают проверенной временем институциональной средой, полностью соответствующей преобладающему способу координации экономической активности. Такие государства могут позволить себе использование методов прямого и косвенного вмешательства с целью проведения необходимой экономической политики без значительного ущерба для всего национального хозяйства и угрозы значительной деформации институционально-экономической системы.

Государства с неокрепшей, трансформирующейся, либо находящейся на стадии зарождения институциональной экономической системой, основанной на рыночных отношениях, находятся в опасности попадания в институциональные ловушки, в условиях которых направления векторов координации экономической активности могут сильно расходиться, а зачастую даже принимать диаметрально противоположный характер. Подобные ситуации часто возникают при попытке трансплантации формальных законов [23, с. 24], заимствованных у развитых стран, в заметно отличающуюся неформальными практиками среду стран с переходными экономиками.

При этом неверно было бы говорить о необходимости полного отказа от государственного вмешательства в экономику в целом и конкурентную среду в частности. По мнению В.А. Гордеева, рынок и конкуренция проходят свое развитие в соответствии с объективными экономическими законами, в итоге этого пути возможно достижение антиконкурентного монопольного состояния на рынке, что влечет за собой дополнительные риски в развитии экономики [24, с. 86].

Провалы рынка и теорема Коуза.

Государство призвано нивелировать те «провалы», которые характерны рыночному механизму координации деятельности экономических агентов. В обобщенном определении «провал» рынка представляет собой неспособность рыночных механизмов в ряде экономических ситуаций координировать экономических агентов с условием достижения эффективности по Парето. К таким «провалам» Т. Сендлер [26, с. 11] относит следующие:

- порождение рынком монополизма. Другими словами, агенты с монопольным

влиянием на рынок являются результатом траектории развития, что возможно обнаружить в отраслях с традиционно высоким уровнем конкуренции, что объясняется доступностью как формальных слияний и поглощений, так и неформальных соглашений о совместной координации действий определенных групп рыночных агентов. Это непременно приводит к возможности манипулирования подобными группами рыночными транзакциями с целью установления цен, объемов и других рыночных параметров. Очевидна необходимость внешнего регулирования рынков во избежание подобных эффектов;

- чистый рынок не мотивирован к производству общественных благ, бесплатных для конечного потребителя, но, очевидно, имеющих определенную цену для общества в целом. Более того, чистый рынок и не способен производить общественные блага из-за отсутствия механизма возмещения подобных затрат;

- рынок не в состоянии устранить внешние эффекты своей деятельности (экстерналии), то есть позитивные и/или негативные результаты деятельности одних рыночных агентов, влияющие на активность других агентов при условии отсутствия компенсации этих эффектов условиями самой сделки. Влияние внешних эффектов усиливается с постоянным развитием национальных экономик и мировой экономики как их совокупности. Примерами негативных эффектов выступают ухудшение экологической обстановки, условий труда, позитивными же могут выступать появление (или снижение затрат) доступа к новой инфраструктуре, повышение качества тех или иных параметров деятельности агентов и т.д. Традиционно рынок своими механизмами не обеспечивает решения проблем внешних эффектов, чаще всего из-за необходимости несения дополнительных затрат агентами рынка;

- рыночный инструментарий не обеспечивает справедливого распределения социальных благ по причине функционирования в режиме «естественного отбора», при котором побеждает сильнейший. В таком случае социально незащищенные члены общества не в состоянии равносильно участвовать в конкурентной борьбе, и, как следствие, обеспечивать себе достойный уровень существования. В итоге разрыв доходов различных слоев населения неуклонно растет, а рыночный механизм – бессилен;

- рыночный механизм способствует появлению и развитию эффекта асимметричности информации. Модель совершенной конкуренции предполагает открытый равный доступ к исчерпывающей информации всем рыночным агентам, однако сами конкурентные взаимодействия рыночных агентов демонстрируют их заинтересованность в сокрытии максимума своей информации во избежание ее использования конкурентами. Фактически борьба за информацию в современных экономических условиях представляет собой одну из основных задач акторов рынка.

Исходя из вышесказанного становится очевидным, что рынок, ограниченный лишь своим собственным внутренним инструментарием, не обеспечивает справедливое экономическое развитие общества и производство общественных благ. В таких случаях государство берет на себя обязанность и несет ответственность за создание и дальнейшее поддержание равных условий для осуществления конкурентных взаимодействий рыночных акторов и ограничения возможности монопольного захвата тех или иных рынков. Также государство обеспечивает производство общественных товаров и услуг и занимается устранением внешних эффектов. Указанные направления государственной экономической политики являются минимальным необходимым комплексом государственного вмешательства в экономику из-за неспособности рынка обеспечить эффективное использование ограниченных ресурсов [25, с. 27].

Исследуя роль и место государства в управлении конкурентной средой с применением институционального инструментария экономической теории, невозможно не остановиться на анализе теоремы Коуза и ее применимости к изучаемому нами объекту. Общеизвестно, что авторство фразы «теорема Коуза», равно как и формулирование самой теоремы принадлежит лауреату Нобелевской премии по экономике 1982 г. Дж. Стиглеру (о чем писал и сам Р. Коуз [17, с. 151]) в следующем изложении: «...в условиях совершенной конкуренции частные и общественные издержки будут равны» [4, р. 113]. И даже при неравенстве частных и общественных издержек рынок в условиях совершенной конкуренции самостоятельно максимизирует ценность общественного производства.

Данная теорема активно обсуждалась как в зарубежной научной литературе (например: Велиц С. [6, р. 345–361], Реган Д. [2, р. 427–437], Аутен Дж. [1, р. 38], Швайцер У. [3]), так и современными российскими учеными-экономистами, такими как Шаститко А. [28, с. 94–99], Малышев Б. [19, с. 100–105], Красильников О. [18, с. 138–142], Гребенников П., Ривера Д. [10, с. 52–61] и др. Капелюшников Р. [15; 16] и Олейник А. [14, с. 554–590; 20–22] и вовсе имели строгую дискуссию относительно содержания ее трактовок и возможного доказательства.

Олейник А. следующим образом формулирует теорему Коуза: «Если права собственности четко специфицированы и транзакционные издержки равны нулю, то структура производства будет оставаться неизменной независимо от изменений в распределении прав собственности, если отвлечься от эффекта дохода» [20, с. 126]. Малышев Б. интерпретирует ее так: «Если права собственности специфицированы и транзакционные издержки равны, на рынке совершенной конкуренции каждый фактор производства используется оптимальным образом» [19, с. 101].

Часто и небезосновательно теорема Коуза подвергается критике на основании постулата о том, что рыночных сделок без транзакционных издержек не существует в природе. Красильников О. пишет: «Принимая за исходное условие равенство транзакционных издержек нулю, Р. Коуз тем не менее доказывает свою теорему с использованием этих самых издержек. Чем иначе, как не транзакционными издержками, являются те деньги, которые фермер платит скотоводу за уменьшение количества прогоняемого скота по своим землям или скотовод – фермеру за его увеличение при различной спецификации прав собственности и доходности производства» [18, с. 139].

Нам хотелось бы остановиться еще на ряде моментов, которые упускает из внимания теорема Коуза, но на наш взгляд, они являются чрезвычайно важными при анализе жизнеспособности данной модели. Оценка теоремы производится исключительно экономико-математическим аппаратом с привлечением теории игр, которая предполагает адекватное принятие экономических решений обеими сторонами, принимающими участие в оценке внешних эффектов того или иного экономического акта, по результатам которого путем прямых переговоров стороны должны прийти к взаимовыгодному решению. Однако на практике акторы могут руководствоваться не только экономическими мотивами, но и любыми другими внутренними предпочтениями, не связанными с экономической рациональностью. В таком случае, путем прямых переговоров без вмешательства внешнего институционального арбитра стороны могут и вовсе не достичь обоюдного решения.

Одним из аргументов выступает четкая спецификация прав собственности. На практике же недостаточно только специфицировать права собственности одних акторов. Права собственности одних агентов, это одновременно обязанность других по соблюдению прав первых. Необходимо реализовывать механизм принужде-

ния к остальным акторам для соблюдения этих четко специфицированных прав, а это явная прерогатива внешнего института, такого как государство.

Также данная модель не учитывает развитие экономической ситуации во времени. В период t_n контрагенты найдут точку равновесия и придут к соглашению об оценке последствий внешнего эффекта. Однако в периоде t_{n+1} при условии резкого изменения рыночной конъюнктуры оценка последствий внешнего эффекта также кардинально изменится вслед за рынком. В таком случае акторы могут не найти согласия по компенсации внешнего эффекта, а потерпевшая сторона не сможет восполнить упущенную выгоду. Рассмотрим на следующем примере. Растениевод позволяет животноводу увеличить поголовье скота, оценивая ущерб в 10 единиц за тонну, предполагая потерять 2 тонны урожая от выгула скота соседа. С резким изменением цен на зерно с 10 до 100 единиц за тонну животноводу становится невыгодным разведение дополнительных единиц голов скота, и он сокращает поголовье до начальных показателей. При этом растениевод уже не успеет вырастить зерно на продажу. В результате и внешний эффект не будет компенсирован, и структура производства претерпит изменения.

Модель также не учитывает возможного различия в масштабах самих экономических агентов. В случае выявления отрицательного внешнего эффекта для небольшой группы физических лиц от деятельности крупной нефтедобывающей компании, очевидно, что урегулирование этого эффекта будет осуществлено с максимальной выгодой для относительно более сильного экономического агента. У более слабого контрагента, очевидно, не хватит сил для равноценной борьбы.

Из внимания автора теоремы также выпадает возможность рыночных агентов сконцентрироваться на целенаправленном создании отрицательных внешних эффектов с целью перераспределения доходов от деятельности добросовестных экономических агентов. Например, недобросовестный участник рынка сможет завладеть участком земли в непосредственной близости от предприятия, занимающегося добычей и бутилированием чистой питьевой воды. На этом участке такой недобросовестный актор может разместить, предположим, мусорную свалку, которая способна загрязнить источник, тем самым разрушив бизнес предприятия. Очевидно, что собственники предприятия, не имея других инструментов воздействия, будут готовы заплатить разумную цену за прекращение загрязнения своего источника воды. Здесь также ясно, что структура производства может измениться, а также внешний эффект будет создаваться исключительно в целях наживы на контрагенте. Очевидно, что подобный инструментарий может быть использован в недобросовестной конкурентной борьбе для целей слияний и поглощений, либо для устранения конкурирующих экономических агентов, что опять-таки приведет к монополизации того или иного рынка.

Все эти аргументы мы приводим с целью убедительно продемонстрировать необходимость создания четких, ясных, а главное равных и обязательных для всех правил координации деятельности рыночных агентов. За принятие формальных законов отвечает государство, только в его силах установить формальные законы и обеспечить механизм эффективного принуждения к их исполнению. Рыночные механизмы даже в условиях совершенной конкуренции выполнить эту функцию заведомо неспособны.

Провалы государства

Однако и функционирование государства характеризуется наличием ряда «провалов», т.е. невозможностью достижения Парето-эффективного состояния в неко-

торых аспектах его деятельности. Другими словами это ситуация, при которой государство не в состоянии эффективно использовать и распределять общественные ресурсы.

По мнению О.В. Архиповой [7, с. 14], недостатки государства возникают из двух основных особенностей данного института:

- механизма демократического аппарата, который ведет к Парето-неэффективности;
- посреднического характера деятельности государства – государственной бюрократии.

Исследование провалов государства в результате его функционирования позволяет выявить тот факт, что это функционирование несовершенно, более того зачастую негативно. Следовательно, использовать этот инструмент необходимо по факту скрупулезного анализа и только в условиях, когда возможности рынка себя полностью исчерпали.

К «провалам» государства относят следующие эффекты [8, с. 57–58]:

- ограниченность необходимой для принятия решений информации;
- неспособность государства полностью контролировать реакцию контрагентов на его действия;
- несовершенство политического процесса в связи с рациональным неведением избирателей, принятием произвольных, волюнтаристских решений, влиянием групп специальных интересов и их постоянной погоней за рентой;
- ограниченность контроля над государственным аппаратом;
- завышение объема производства общественных благ и связанная с этим растрата ресурсов;
- образование государством через перераспределительные процессы новых форм неравенства и дискриминации;
- рост издержек на содержание бюрократического аппарата сверх оптимального уровня;
- отвлечение юристов, экономистов, менеджеров и т.п. от участия в производстве продукции и услуг на фирмах.

Таким образом, понимая, что, с одной стороны, рыночные механизмы самостоятельно не в состоянии удовлетворить требованиям современной экономики в разрезе эффективности распределение ресурсов и возможности захвата монопольной власти рыночными агентами, а с другой стороны, не упуская из внимания ряд «провалов» государства, мы вынуждены констатировать необходимость государственного вмешательства в экономические процессы, однако строго ограничив направления этого процесса:

- конструированием конкурентных правил, выражающихся в формальных законах, которые равнообязательны абсолютно для всех акторов рынка и ни один из акторов не вправе и не в силах их изменять;
- созданием условий для неформальных практик, вектор которых будет сонаправлен с действующими формальными законами;
- контролем над соблюдением действующих правил всеми рыночными акторами.

Позиция государства в регулировании конкурентной среды. Общая институциональная модель развития России.

В.В. Вольчик предлагает два подхода к анализу государственной политики с точки зрения институционального подхода: экзогенный и эндогенный [9, с. 189–190].

Согласно экзогенному подходу к исследованию государственной экономической политики, основное внимание уделяется положительной (легко наблюдаемой) внешней зависимости между определенными мерами и происходящими экономическими процессами, причем связь между инструментами и результатами проводимой политики строго каузальная. Такой подход не предусматривает специального анализа внутренних механизмов функционирования системы, на которую направлено воздействие, а также их изменения.

Эндогенный подход особый акцент ставит на изменениях, полученных в результате принятия мер государственной экономической политики, ценностных установок и механизмов взаимодействия субъектов системы, на которую направлено воздействие такой политики. Тем самым успех применяемых экономических инструментов зависит от согласованности векторов экономической политики и внутренних (институциональных) изменений в обществе, которые ею генерируются в процессе функционирования хозяйственного механизма.

Регулирование конкурентной среды выступает составной частью государственной экономической политики. В свою очередь, сам процесс регулирования конкурентной среды мы подразделяем на:

- формирование фундаментальных институтов конкурентной среды [11] и развитие конкуренции;
- защиту конкурентной среды от внутреннего саморазрушения под действием чистых рыночных механизмов, что, по нашему мнению, и является задачей антимонопольной экономической политики государства.

Формирование института эффективной конкурентной среды в современных условиях это не спонтанный эволюционный отбор наиболее качественных институтов, а целенаправленная деятельность государства по его скрупулезному формированию в соответствии с общей институциональной моделью государственного строительства. Качественную же оценку результатам экономической политики по формированию конкурентной среды дают различные международные рейтинги. Мы же остановимся на международном рейтинге конкурентоспособности, который осуществляется в рамках Международного экономического форума (Global Competitiveness Report).

По оценке международной группы специалистов по состоянию на 2010–2011 год Россия занимает 63 место среди обследованных 139 стран [5, р. 15], подтверждая эту позицию аналогичным местом в рейтинге предыдущего года (2009–2010). Однако вызывает тревогу негативная тенденция в потере завоеванных позиций, ведь еще в рейтинге 2008–2009 года Россия была на 51 месте. Итоговая оценка является результатом обработки данных, разделенных на три больших раздела:

- основные показатели, включая такие как институты, инфраструктура, макроэкономическая ситуация, здоровье и общее образование;
- показатели эффективности, включая такие как высшее образование и повышение квалификации, эффективность рынка товаров, эффективность рынка труда, развитие финансового рынка, технологическая готовность и масштабы рынка;
- показатели инновационной активности, включая такие как уровень сложности бизнеса и инновации.

Каждая из этих групп и подгрупп содержит целый ряд факторов, которые оцениваются по отдельности. Для нас больший интерес представляют те факторы, которые относятся к фундаментальным институтам конкурентной среды, а именно:

- институт частной собственности, включая подинститут интеллектуальной собственности и авторского права;
- институт предпринимательства, самостоятельно на свой страх и риск осуществляющий рыночные транзакции с целью получения прибыли;

- финансы;
- институт экономических контрактов;
- антимонопольное регулирование.

Оценки данных параметров значительно отличаются по уровню от полученного общего результата. Так по институту прав собственности Россия занимает 128 место [5, с. 286–287], по интеллектуальной собственности показатель чуть выше – 119 строчка рейтинга, по защите интересов миноритарных акционеров позиция совсем удручающая – 132 строка. В целом подраздел «институты» дотянулся лишь до 118 строки рейтинга. Подраздел «инфраструктура» занял 47 строчку за счет высокой обеспеченности мобильной связью (8 место в мире), а также доступностью пассажирских авиаперевозок (13) и неплохой железнодорожной сетью (31). Качество грузовых авиаперевозок (104) и самая исторически известная проблема дорог (125) значительно ухудшили позицию страны в данном разделе. Подраздел «макроэкономическая ситуация» занял 79 позицию рейтинга, причем по показателю сбалансированности бюджета Россия на 106 позиции, по инфляции на 125. Значительно улучшили общее состояние раздела относительно невысокий государственный долг (8) и кредитный рейтинг страны (49). Подраздел «здоровье и общее образование» находится на 53 позиции. В итоге по базовым показателям страна заняла 65 место.

Раздел «эффективность», по которому Россия занимает 53 место, состоит из 6 подразделов, нам более интересны такие как: эффективность рынка товаров (123), развитие финансового рынка (125) и технологическая готовность (69). По уровню развития внутренней конкуренции Россия на 115 месте, по эффективности антимонопольной политики на 108, по общему уровню налогов на 95 позиции. Количество процедур для открытия нового дела на настоящее время держится на 88 позиции, а необходимое время для старта бизнеса оценено экспертами лишь как 93 среди обследованных стран.

Развитие финансового рынка тоже оставляет желать лучшего. Доступность финансовых услуг на 109 позиции, легкость получения займов на 107. Доступность венчурного капитала на 95 строке.

Похожая ситуация и с доступностью современных технологий (122). Этот подраздел в целом имеет относительно более высокую позицию в рейтинге из-за относительно высокого развития Интернета, количеству пользователей и качества Интернет-вещания.

Раздел инноваций в целом занимает 80 строчку в рейтинге, хотя такие показатели как объем инноваций (38), качество научно-исследовательских институтов (53), количество зарегистрированных патентов на миллион населения (49) находятся в рейтинге значительно выше.

Подводя итоги анализу показателей данного исследования Международного экономического форума, можно сделать вывод, что экономика России в настоящее время располагается на 63 позиции в рейтинге конкурентоспособности благодаря оставшейся в наследство системе образования и здравоохранения, высокоразвитой железнодорожной инфраструктуре, конъюнктуре мировых цен на углеводороды (именно этим мы объясняем высокую позицию в рейтинге по показателям государственного долга и кредитному рейтингу страны). За последние два десятилетия страна самостоятельно развила лишь отрасль телекоммуникаций, что обеспечивает высокие показатели доступности мобильной связи и качественного и доступного выхода в глобальную сеть Интернет. По показателям развития фундаментальных институтов конкурентной среды Россия не входит даже в первую сотню участников рейтинга. Проводимая же правительством страны институциональная реформа, антимонопольное регулирование, институционализация предпринимательской дея-

тельности, финансовый рынок и доступность его инструментария предпринимателям пока не находят реальных высоких оценок у международных экспертов.

Справедливости ради необходимо отметить, что все страны бывшего СССР занимают не лидирующие позиции в данном рейтинге. Выше России в нем находятся Эстония (лидер постсоветского пространства – 33 место), Литва (47) и Азербайджан (57). Более низкие строки рейтинга занимают Латвия (70), Казахстан (72), Украина (89), Грузия (93), Молдавия (94), Армения (98), Таджикистан (116) и Киргизия (121).

Среди же стран БРИКС, Россия (63) выступает замыкающей. Лидирует с большим отрывом от участников группы Китай (27), затем следуют Индия (51), Южная Африка (54) и Бразилия (58).

Очевидно, что в такой ситуации можно говорить об отсутствии единой концепции институционального развития страны в целом, и концепции институциональной модернизации конкурентной среды в частности. Н.И. Усик предлагает общую институциональную модель развития России [27, с. 39], которая функционирует посредством:

- институционального механизма ограничения экономической власти элиты, использующей методы вне рыночного принуждения, что ограничивает конкуренцию и снижает эффективность;
- создания условий для превращения краткосрочных капиталов в долгосрочные;
- выработки принципов поддержания конкурентоспособности для применения технологических и нетехнологических конкурентных преимуществ.

По мнению автора, реализация этой институциональной модели осуществляется через формируемые нормы и правила, отражающие ограничения – формальные (законодательство, регулирующие правила, вводимые властными структурами, изменения в Конституции) и неформальные (нормы, соглашения, личные стандарты честности). Необходимо отметить, что такая концепция соответствует нашему предположению о структуре экономического института как совокупности формальных законов (принимаемых государством) и окружающих их неформальных практик [12, с. 122].

В итоге общая институциональная модель развития предполагает механизм нивелирования провалов рынка и государства, проведение определенного и осознанного курса развития, а также особо выделяется необходимость самосохранения, защиты государства на современном этапе построения и сохранения конкурентной среды и конкурентоспособной экономики.

Таким образом, мы вынуждены констатировать необходимость государственного регулирования конкурентной среды в современных экономических условиях. Провалы рынка и провалы государства очевидны, подробно описаны в экономической науке. Основываясь на этих знаниях, а также на зарубежном опыте государственного регулирования экономик, можно сделать вывод о необходимости государственного вмешательства в конкурентную среду, ограниченного конструирования адекватных правил и позитивных неформальных практик, а также жестким надзором за их соблюдением акторами конкурентной среды.

Библиографические ссылки и примечания

1. Auten G.E. Discussion / G.E. Auten // *Theory and Measurement of Economic Externalities*; ed. by S.A.Y. Lin. – N.Y.: Academic Press, 1976. – P. 38.
2. Regan D.H. The Problem of Social Cost Revisited / D.H. Regan // *Journal of Law and Economics*. – 1972. – Oct. – Vol. 15. – № 2. – P. 427–437.
3. Schweizer U. Externalities and the Coase Theorem: Hypothesis or Result? / U. Schweizer // *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. – 1988. – Vol. 144. – № 2.
4. Stigler G.J. *The Theory of Price* / G.J. Stigler. – 3rd ed. – N.Y.: Macmillan Co., 1966. – P. 113.

5. The Global Competitiveness Report 2010–2011 / World Economic Forum. – Switzerland, 2011. – P. 15.
6. Wellisz S. On External Diseconomies and the Government assisted Invisible Hand / S. Wellisz // *Economica* (new series). – 1964. – Nov. – Vol. 31. – P. 345–361.
7. Архипова О.В. Анализ провалов государства и провалов рынка в сравнительной форме / О.В. Архипова // *Вестник Челябинского государственного университета*. – 2010. – №27 (208) : сер. : Экономика. – Вып. 29. – С. 14.
8. Архипова О.В. Эволюция понятий «функции государства» и «провалы государства» / О.В. Архипова // *Вестник Челябинского государственного университета*. – 2010. – №6 (187) : сер. : Экономика. – Вып. 26. – С. 57–58.
9. Вольчик В.В. Эволюционная парадигма и институциональная трансформация экономики / В.В. Вольчик. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2004. – С. 189–190.
10. Гребенников П. Теорема Коуза – реальность или фикция? / П. Гребенников, Д. Ривера // *Финансы и бизнес*. – 2007. – №4. – С. 52–61.
11. Жук А.А. Конкурентная среда рынков: институционально-экономические характеристики / А.А. Жук // *Современная конкуренция*. – 2011. – №4 (28).
12. Жук А.А. Структурные и динамические аспекты нестабильности экономических институтов / А.А. Жук // *Перспективы науки*. – 2010. – №3(05). – С. 122.
13. Жук А.А. Теоретические основы исследования конкурентной среды / А.А. Жук // *Социально-гуманитарный вестник Юга России*. – 2010. – №8. – С. 188.
14. *Институциональная экономика* / под ред. А. Олейника. – М.: ИНФРА-М, 2005. – С. 554–590.
15. Капелюшников Р.И. И еще раз — о теореме Коуза (критические заметки) / Р.И. Капелюшников. – М.: ГУ ВШЭ, 2006. – (Препринт WP3/2006/02).
16. Капелюшников Р.И. Новая атака на теорему Коуза / Р.И. Капелюшников. – М.: ГУ ВШЭ, 2007. – (Препринт WP3/2007/01).
17. Коуз Р. Фирма, рынок и право: пер. с англ. / Р. Коуз. – М.: Новое издательство, 2007. – С. 151.
18. Красильников О. Еще раз к критике теоремы Коуза / О. Красильников // *Вопросы экономики*. – 2002. – №3. – С. 138–142.
19. Малышев Б. Критика критики теоремы Коуза / Б. Малышев // *Вопросы экономики*. 2002. – №10. – С. 100–105.
20. Олейник А. *Институциональная экономика* / А. Олейник. – М.: ИНФРА-М, 2000. – С. 126.
21. Олейник А.Н. О трудностях сосуществования: границы решения проблем нежелательного соседства в свете теоремы Коуза / А.Н. Олейник // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*. – 2006. – Т. 4. – № 3. – С. 54.
22. Олейник А. Роль государства в установлении прав собственности (К вопросу о теореме Коуза) / А. Олейник // *МЭиМО*. – 2003. – № 7.
23. Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов / В.М. Полтерович // *Экономическая наука современной России*. – 2001. – №3. – С. 24.
24. Родина Г. Рынок и государственное регулирование: материалы круглого стола на тему: «Воздействие институтов рынка на государственное регулирование экономики» / Г. Родина // *Экономист*. – 2011. – №3. – С. 86.
25. Родина Г.А. Фиаско рынка vs. Фиаско государства: кто кого? / Г.А. Родина // *Теоретическая экономика*. – 2011. – №3. – С. 27.
26. Сендлер Т. *Экономические концепции для общественных наук*: пер. с англ / Т. Сендлер. – М.: Весь мир, 2006. – С. 11.
27. Усик Н.И. Общая институциональная модель развития экономики России / Н.И. Усик // *Теоретическая экономика*. – 2011. – №3. – С. 39.
28. Шастико А. Теорема Коуза: проблемы и недоразумения / А. Шастико // *Вопросы экономики*. – 2002. – №10. – С. 94–99.
29. Шаститко А.Е. Государство и экономический рост / А.Е. Шаститко // *Экономика и математические методы*. – 1996. – Т. 32. Вып. 3. – С. 17.

Поступила в редакцию 16.05.2011